

лось источником для создания концептуальной системы определенного типа конфессионального мировоззрения.

Рассмотрение и разрешение различных языковедческих проблем с позиции теолингвистики с привлечением как лингвистических, так и теологических знаний, является, на наш взгляд, перспективным, так как с учетом новых открытий в различных областях знания позволяет по-новому взглянуть на язык, в котором, по словам П.А.Флоренского, «заложено объяснение бытия»[4, с. 143].

Литература

1. Гадомский, А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии / А.К. Гадомский // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 1. – № 49. – С. 164-166.
2. Гадомский, А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание / А.К. Гадомский // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Том 20(59), №1. – 2007. – С. 287-292.
3. Постовалова, В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления / В.И. Постовалова // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012, №4(12) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://md.islu.ru> – Дата доступа: 26.09.2013.
4. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли: IV. Мысль и язык Текст. / П.А. Флоренский // Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – С. 102-340.
5. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1995. – 829 p.

О.И. Валентинова (Российский университет дружбы народов)

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА «ВЫСОКОГО СЛОГА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КЛЮЧ К МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМУ КОДУ ЯЗЫКА

Противостояние Ломоносова и Сумарокова закончилось жизненным поражением последнего и его же исторической победой. Логика развития русского литературного языка, который принято называть современным и основателем которого принято считать Пушкина, была задана эстетической и мировоззренческой позицией Сумарокова. Но прежде чем обсуждать то, что было приобретено этой исторической победой, нам хотелось бы понять, что с нею было утрачено.

Попробуем отвлечься от хорошо узнаваемого алгоритма мыслей, вроде *«Кодифицированные Ломоносовым три контекста, три стиля литературно-книжного языка не покрывали жанров переводной «европейской» литературы»* или *«Разграничение стилей в этой теории было не историческое, не этимологическое, а нормативно систематизирующее»* [1].

В заданном Ломоносовым различении трех слогов его самого - и как теоретика, и как литератора, и как человека – увлекал только слог высокий. Всецелое обращение к высокому слогу «Риторика» Ломоносова – зримое тому доказательство. Литература и жизнь нераздельно соединились в сознании русского человека XVIII века, как в сознании средневекового человека нераздельно соединились слово и поступок.

«У Ломоносова было две страсти: патриотизм и любовь к науке» (Святополк-Мирский 2008, с. 64). Жанры высокого слога стали единственно возможными формами тех переживаний, которые тревожили Ломоносова, а высокая интеллектуальная семантика церковнославянского языка – единственно возможным способом их словесного выражения. В такой модели мироощущения высокое было, скорее, величиной онтологической, неизменной, а не результатом субъективного отношения личности к чему бы то ни было. Так понимание «блага» или «зла» в богословском пространстве не есть результат субъективного - положительного или отрицательного – отношения автора к

объекту изображения, а есть удостоверение не зависящей от сознания человека сущности этого объекта, таковой, какова она есть.

Но как вписываются в онтологическое мировосприятие высокого слога практические принципы построения текста? К чему приводит предопределенная риторическими правилами необходимость установить для каждого элемента исходного утверждения соотношение рода и вида, части и целого, необходимость подобрать слова, сходные по значению и противоположные, необходимость обратиться к этимологии, необходимость очертить круг определений для каждого элемента и к каждому дать ряд уточнений, последовательно отвечая на вопросы «кто?», «что?», «каким образом?», «для чего?», «как?», «когда?».

«Добро побеждает зло. Духовное начало данного суждения двояко: умственное и нравственное. Тема «добро» относится к истине, а термин темы «зло» ко лжи. Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде зло олицетворяется духом тьмы. В духовном значении благо - что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина. Благо противоположно худу и злу.

Таким образом, тема обрастает со всех сторон соответствующими образами, терминами, идеями» [3].

Это едва начатое и еще столь далекое до риторической полноты рассуждение по поводу известной сентенции «добро побеждает зло» успело ошеломить своего автора не только неожиданным для него (точнее – для нее) совершенством мысли и формы, но и произвольностью своего появления. Но какая сила, кроме направленной воли автора, готова привести к созданию текста?

Умозрительный ответ на этот вопрос не только не может соперничать по мере убедительности с личными ощущениями, но и не обладает той доказательной силой, какую дает только личный опыт. Этот опыт можем получить и мы, стоит нам проделать хотя бы часть того пути, который очерчен в «Риторике» Ломоносова:

«Тема «Добро побеждает зло» через «изображение» идей по принципу синонимии и антонимии обставляется такими словесными рядами.

Добро. Находим подбозначащие слова: *доброе (полезное) дело, благо, благодать, благодеяние, благотворение, пожертвование, одолжение, благотворение, услуга, истина...*

Находим синонимические выражения: *всё хорошее, положительное, направленное на благо; строгая богобоязненность в поступках; что честно и полезно; все, чего требует от нас долг ...*

Подбираем имена прилагательные: *добрый, хороший, благотворный, благодатный, благодущный, жертвенный, благой, добродетельный, доблестный, добродушный, добросердечный, гуманный, человечный, душевный, жалостливый, сердечный, отзывчивый, чувствительный...*

Противоположные понятия: *зло, злость, злоба, злобность, несчастье, горе...*

Ответим на вопросы.

Кто? - *Добросердечный человек.*

Что? - *Готов прийти на помощь.*

Каким способом? - *Быть полезным.*

Как? - *Проявляя жалость, отзывчивость, сердечность.*

Когда? - *Когда человек в этом нуждается.*

Зло. Снова находим подбозначащие слова: *худо, лихо, горе, беда, несчастье, неприятность, недовольство, гнев, досада, раздражение, ложь, злодеянье, злочинство...*

Снова подбираем синонимические выражения: *источник бед; сделать что-то на зло другому, в досаду, в противность, в обиду...*

Подбираем имена прилагательные: *злой, дурной, плохой, причиняющий боль, вред; жестокий, причиняющий зло другим; вредный, пагубный, губительный, бедственный, гневливый, мстительный, зложелательный, злопамятный...*

Противоположные понятия: *добро, добродетель, истина.*

Находим ответы на вопросы.

Кто? - *Бес, дьявол; у кого душа обратилась к злу, противник всякого блага.*

Что? - *Стремится сделать плохо людям.*

Каким способом? - *Причиняя боль, тешась страданиями других.*

Как? - *Вызывая раздражение, зля» [3].*

Те же шаги стоит проделать и с глаголом «побеждает».

Конечно, значение слова формируется только в контексте. И лишь, ставшее общим, многократное воспроизведение контекста позволяет значению контекстуальному стать значением словарным, а значит, узнаваемым уже и вне контекстуальной поддержки. Подыскивание же к слову схожих по значению (подобозначащих) или противоположных (противных) слов и выражений возвращает нас к тому, с чего все начиналось: к произвольному восстановлению утраченных «дневным сознанием» контекстов. Чем более длительным удастся выстроить ряд взаимокорректирующих друг друга соположенных и противоположенных по значению слов, тем более полно проясняются очертания исходных смыслоформирующих контекстов. Казавшаяся бесплодной схема **«какое-то там добро как-то там побеждает какое-то там зло»** заполняется напряженным содержанием, одухотворяется. Борьба между добром и злом обретает субстанциональный, сущностный характер, становится борьбой между Добром и Злом. Проясняется содержание зла – абстракция делается видимой, предметной. Зло не может быть малозаметным, незначительным - оно всегда огромно: не просто зло, а *злодеяние, злочинство*. Оно всегда направленно и направлено против кого-то: *во зло, во вред, в разрушение, в уничтожение, в противность, в досаду, в обиду* – и потому влечет за собой глубокие страдания: *худо, лихо, горе, беду, несчастье*. Зло – всегда *ложь*. А ложь, как то, чего на самом деле нет, всегда от кого-то, от того, кто ее придумал. Ложь из небытия, и зло из небытия.

Теперь зло становится не только тем, **что** надо *победить, одолеть, преодолеть, развеять, обессилить*, но и тем, **кого** надо *побеждать, одолевать, преодолевать, развеивать и обессиливать*.

Но побеждает зло и вне нас, и внутри нас не физическая сила, а духовная: *жертвенность, жалость, сердечность, человечность, доблесть...*

Чем более мы уточняем, тем очевиднее становится предопределенность истолкования, обусловленная семантической структурой языка, системой смысловых оппозиций, в которых еще удерживаются реликтовые остатки давно утратившегося мирозерцания. Так шаг за шагом риторические правила «высокого слога» обнаруживают себя как ключ, вскрывающий, а по отношению к нашему времени – реанимирующий, имманентный мировоззренческий код языка.

Многомерное, сложнозависимое закрепление этого кода наделяет запускаемый риторическими правилами вектор истолкования столь деятельной силой, что он свободно преодолевает более чем две сотни лет и сообщает свою волю далекому от метафизических раздумий о добре и зле юному человеку, буднично выполняющему в десятых годах XXI века университетское задание по экспериментальной риторике.

Теперь высказанные Ломоносову с высоты исторической перспективы упреки в ограниченности и схематизме его «теории трех стилей» если и не снимаются, то приобретают хорошо разбеленную пастельную тональность. Выведенные Ломоносовым три контекста, действительно, не покрывали жанров переводной европейской литературы, но эти жанры Ломоносов, «одворяненный службою, усвоивший дворянский быт, но

внутренне остававшийся чужим дворянской среде» (Чернов 1935, с. 135), осознанно исключал из поля своего внимания.

Разграничение же стилей в этой теории и в самом деле не было ни «историческим», ни «этимологическим». Оно было сущностным, но внешнею своею стороною выделялось как «нормативно систематизирующее». «Риторика» Ломоносова, написанная на русском, а не на «церковном» языке, «славянском» или латыни, воспринималась как проявление исключительной демократической дерзости. Но нарушив – внешне – многовековое установление, по которому «словосложение» было органической частью богословия и потому сохранялось в ведении высшего церковного образования, своею внутренней настроенностью на «высокий слог» Ломоносов обнаруживал непрерываемую связь с интеллектуальным и духовным наследием средневекового мирозерцания. Механика «высокого слога» непроизвольно выводила на поверхность и еще и теперь продолжает выводить – даже помимо нашей воли – прежние, устойчивые основания этических начал, в которых еще не было смещения добра и зла.

Литературные усилия русских авторов XVIII и начала XIX века будут нацелены на «преодоление искусственного разделения трех стилей», начавшееся с разрушения границ между высоким и средним стилем. Это разрушение границ будет означать разрушение высокого слога. А за разрушением высокого слога последует не просто разрушение целостности некоторой языковой субстанции, генетически вытекающей из церковнославянского языка, но и общественная утрата закодированной в языке нравственной мысли, динамически раскрываемой в динамическом развитии конструктивных моделей, выработанных риторическими правилами высокого слога.

Литература

1. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Святополк-Мирский, Д.П. История русской литературы с древнейших времен / Д.П. Святополк-Мирский. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
3. Фрагменты работы по экспериментальной риторике, выполненной слушательницей магистерского отделения филологического факультета Российского университета дружбы народов Субботиной Анной (зима 2011 года) на занятиях по курсу истории русского литературного языка.
4. Чернов, С.И. М.В. Ломоносов в одах 1762 г. // XVIII век: Сборник статей и материалов / Под ред. акад. А.С. Орлова. – М.-Л.: АН СССР, 1935. – С. 133-180.

А.С. Дзядова (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

МЕТАФАРА ЯК СРОДАК РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ КАНЦЭПТУ “ВАДА” Ў МОВЕ ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАЎ Р. БАРАДУЛІНА

Важную ролю ў станаўленні Р. Барадуліна як паэта, якога ў беларускай літаратуры называюць “каралём метафары”, адыграла яго малая радзіма – Ушаччына, край рэк і азёр. На працягу ўсёй сваёй творчай дзейнасці выдатны майстар слова праз стварэнне яркіх індывідуальна-аўтарскіх метафар, у аснове якіх ляжаць беларускія нацыянальныя рэаліі, паэтызуе прыроду Беларусі, захапляецца яе краявідамі і воднымі аб’ектамі, што вербалізуюцца ў моўным кантэксце яго вершаў пры дапамозе лексем *рака, возера, мора, акіян*, а таксама *ручай, крыніца, затока*.

Вада складае неад’емную частку навакольнага асяроддзя чалавека. У адпаведнасці са старажытнымі міфалагічнымі ўяўленнямі славян, вада – адна з асноўных стыхій, якая прымала ўдзел у стварэнні Сусвету і дала жыццё ўсяму жывому на Зямлі. Прыродны аб’ект – рака (вада) – асэнсоўваецца ў філасофіі культуры як канцэпт. На тэрыторыі Беларусі больш за дзесяць тысяч азёр і каля дваццаці тысяч рэк і